

ЛитЮбилей

150 лет со дня рождения Леонида Андреева

Теория и практика изучения творчества Л. Н. Андреева

УДК 82.1

Шишкина Лидия Ивановна

Кандидат филологических наук, доцент,
профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций,
Северо-Западный институт управления (филиал),
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации;
Российская Федерация, Санкт-Петербург, e-mail: lidia_shishkina@mail.ru

**ПЕРЕД УРОКАМИ ВРЕМЕНИ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА
ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА**

Предметом данной статьи является политическая публицистика Л. Андреева, центром которой являются важнейшие исторические события XX века — Первая мировая война и революция 1917 года. В контексте публикаций Андреева в газете «Русская воля» анализируется писательская трактовка войны и суть его «оборонческой» позиции; андреевская концепция революции, вступившая в конфликт с реальной исторической практикой; анализируются поставленные в статьях важнейшие историко-философские и общекультурные проблемы: народная масса как двигатель исторических событий, деятельность «героя» и психология толпы, судьба личности в революции, соотношение революции и бунта. В результате делается вывод, что круг вопросов, затронутых

Андреевым в его поздней публицистике, выходит далеко за рамки социально-политической проблематики и вписывается в широкий контекст национального взгляда на русскую историю и особенности русского культурного сознания, актуализированный судьбоносными событиями российской и европейской истории начала XX века.

Ключевые слова: Л. Андреев, публицистика, «Русская воля», Первая мировая война, революция, бунт, массовая психология, теория «героя» и толпы, народное сознание, «коллективный герой», личность.

Lidia I. Shishkina

PhD in Philology science, associate Professor,
Professor of the Chair of Philology and Journalism,
North-West institute of Management (branch),
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
Russian Federation, Saint-Petersburg

BEFORE THE LESSONS OF TIME: POLITICAL JOURNALISM OF LEONID ANDREEV

Abstract. *The subject of this article is the political journalism of Leonid Andreev, presented on the pages of the newspaper “Russian Will”. The center of which is the most important historical events of the XX century – the First World War and the Russian interpretation Revolution of 1917. In the context of the rest of the newspaper’s materials, Andreev’s of the war and the essence of his “defensist” position, Andreev’s concept of revolution, which came into conflict with real historical practice, – are analyzed; the journalism of L. Andreev considered. on a material of journalism 1916–1919 major historical, philosophical and cultural problems are analyzed: Destiny of personality in revolution, a ratio of revolution and revolt, features of Russian cultural consciousness combining the principles of freedom and anarchy. As a result of the analysis concludes: range of questions raised in Andreev journalism goes beyond social and political issues and fits into broader context of national views of history, and especially the national consciousness, that actualized the fateful events of the Russian and European history of the early XX century.*

Key words: *L. Andreev, journalism, newspaper “Russian will”, First World War, revolution, riot, the theory of the “hero” and the crowd, popular consciousness, “collective hero”, personality.*

Для цитирования:

Шишкина, Л. И. Перед уроками времени: политическая публицистика Леонида Андреева // Гуманитарная парадигма. 2021. № 2 (17). С. 6–27.

Подъём публицистики в переломные эпохи — неотъемлемая черта русской литературы, где практически не было писателя, ограничивавшего себя только художественным творчеством. Острота и масштабность стремительно сменяющихся событий требовали немедленного отклика. Чувство личной причастности к судьбам страны, знаменитое толстовское «не могу молчать!» — заставляло литераторов выходить на попрание публицистической полемики.

Публицистика — наименее изученная часть творческого наследия Леонида Андреева. Она стала своего рода окаймляющей его творчество рамкой: начиная как судебный репортёр, хроникёр и фельетонист московской газеты «Курьер», Андреев заканчивает свою литературную деятельность ведущим публицистом газеты «Русская воля», до последних дней работая над статьями и воззваниями. Но если предметом внимания раннего Андреева были «мелочи жизни» московского быта, то в центре его поздней публицистики грандиозные исторические события XX века — Первая мировая (Великая) война и Великая русская революция.

Леонид Андреев — писатель, чутко ощущавший «нерв» эпохи, надеялся силой слова предотвратить катастрофы, которые предвидел с пугающей ясностью. И хотя, по выражению современного исследователя, он разделил участь «всех Кассандр, с мучительной прозорливостью вникающих в тайны будущего, но бессильных в этом будущем что-либо изменить» [5, с. 12], его размышления не теряют ценности для нас. «Перед задачами времени» — так называлась одна из программных статей Андреева¹. «Перед уроками времени» — так сегодня можно трактовать смысл поздней публицистики писателя.

Рубеж XIX–XX веков сопровождался подведением итогов и размышлением о дальнейших путях развития человечества. Публицисты рассуждали о великих результатах, к которым пришла гуманистическая европейская культура, основанная на культе Разума и идее прогресса. Своё понимание пути развития человечества Леонид Андреев сформулировал в черновом варианте своей повести «Красный смех» [2], ставшей откликом на события ещё Русско-японской войны: «Десятки лет глубокого мира приучили людей к господству разума, а непрерывная проповедь любви, жалости и уважения к человеку облагородила их души, сделала их чуткими и нежными, отзывчивыми к страданиям. Бесконечная борьба человека с человеком за

¹ Статья «Перед задачами времени» опубликована в газете «Русская воля», 1917, № 1, 1 января. Это издание, работу в котором Андреев будет активно вести в 1914–1917 гг., станет основным, в котором публицистика писателя второй половины 1910-х гг. будет широко представлена.

Далее ссылки на газету приводятся в круглых скобках с указанием названия РВ и года, номера, выпуска, страницы газеты.

свободу, за справедливость, за счастье, всё также продолжалась, но была она теперь только в области мысли, а руки бездействовали: ударить человека и причинить страдание его телу казалось странным, немного смешным и таким же нелепым, как жечь книгу, с мыслями которой не согласны. <...> Как и тысячи лет тому назад, люди не могли доказать, что убивать нельзя, но привыкли не убивать, всей своей жизнью признали, что убийство безрассудно, и были уверены, что кто-то давно доказал это так неопровержимо и ясно, как математическую истину» [1]. Прошло чуть более десяти лет — и разразилась катастрофа Первой мировой войны.

Первая мировая война разрушила обаяние великой культуры Европы жуткими фактами: кишачими крысами грязными канавами, пулеметами и отравляющими веществами, выкашивающими людей десятками тысяч, железными танками и аэропланами, перед которыми оказывалось беззащитным живое человеческое тело, — всё это окончательно уничтожило идею классического гуманизма о человеке как божественном создании. Реалии показали несостоятельность всех великих метафизических систем и культурных моделей, основанных на математически выверенных истинах, на вере в победное шествие человечества по пути прогресса к счастью, истине и добру. Поведа счёт погибших на миллионы, война обнажила трагическое противоречие цивилизации: научно-технический прогресс был направлен на уничтожение человечества. Война запустила мощный процесс культурной и национальной идентификации народов и классов, способствовала подъёму патриотических лозунгов, распространённых в начале войны в России не только среди широких народных масс, но и в среде научной и творческой интеллигенции. Тема «война и культура» стала центральной в статьях Н. Бердяева, Е. Трубецкого, С. Булгакова, В. Розанова, Г. Ландау, В. Эрн и др. На повестке дня вновь оказались вопросы своеобразия русского пути, уникальности дихотомичной русской культуры, исторической и культурной миссии России. Нередко причины войны усматривались не столько в политических и/или экономических противоречиях, сколько в фундирующих современную цивилизацию основаниях: материализм и безрелигиозный гуманизм с губительным для него чувством комфорта. Весьма распространённой стала мысль, что война явилась не противостоянием государств, а борьбой национальностей и культур, конфликтом «германцев» и «славян». Миссия России виделась в защите свободы других национальностей, спасении всего культурного мира от германского духа с его милитаризмом и фальшивой культурой [см. 13, р. 9–29]. Таким образом, мировая бойня — Великая война (как её называли в Европе), Вторая Отечественная (так она именовалась до 1917 года в России) — подняла такие

проблемы, которые в дальнейшем были обозначены как «кризис культуры» и «столкновение цивилизаций».

Леонид Андреев был одним из тех, кто последовательно исповедовал подобный «цивилизационный» подход к войне, переживая её как мировую катастрофу. «Для меня смысл настоящей войны необыкновенно велик и значителен сверх всякой меры. Это борьба демократии всего мира с царизмом и деспотией, представителем каковой является Германия. <...> Есть у нас, писателей, и особой важности задача: противопоставить русскую культуру германской и доказать, что мы не варвары, хотя и нет у нас внешней материальной культуры и богатства. Надо всеми средствами показать, что русский дух есть вечное устремление к последней свободе, вплоть до анархии; немецкий же стремится к вечному порабощению, к созданию на земле образцовой тюрьмы и военных поселений», — формулировал писатель свою позицию в письме И. Шмелёву в сентябре 1914 года [6, с. 546–547].

В разразившейся мировой бойне Андреев увидел агонию европейской цивилизации, которая должна неизбежно завершиться революцией. И потому, протестуя ранее в «Красном смехе» против войны как явления, нарушающего природные законы и ставящего человеческий разум на грань разрушения, данную войну писатель принимает как «переходное состояние между старым и новым порядком вещей» (РВ. 1917. № 36. Утр. вып. 28 марта. С. 3), как предтечу революции, долженствующую преобразить Россию. В статье «Путь красных знамён», опубликованной в марте 1917 г., он напомним своё предсказание, сделанное в августе 1914-го: «Это только пишется война, а называется революцией. В своём логическом развитии эта “война” приведёт нас к свержению Романовых и закончится не обычным путём всех ранее бывших войн, а европейской революцией».

Но к 1916 году с накоплением моральной усталости и громадными потерями, которые несла Россия, отношение общественности к войне стало меняться. Андреев же оставался верен позиции патриотизма и «оборончества», оставался в числе идеологов «войны до победного конца», что в радикализованном русском обществе предреволюционных лет воспринималось как «архаичная» и «казенно-государственная» позиция.

В художественном творчестве Андреева Первая мировая не нашла значительного отклика, а немногочисленные его произведения, в которых осмыслялись проблемы «человек на войне», включение личности в исторические события (пьеса «Король, закон и свобода» и повесть «Иго войны»), не вызвали «у современников реакции, хотя бы частично подобной былым спорам, скандалам, восторгам и проклятиям, которые обычно сопровождали его творения» [14, с. 581]. «В сей грозный час» Андреев-

публицист заслонила Андреева-художника. Вот почему особую значимость для Андреева приобрело участие в газете «Русская воля» с явно выраженной оборонческой позицией, да ещё на условиях определения общественного лица нового издания. Работу в этой газете, собиравшей, по первоначальному замыслу, цвет русской научной, политической и творческой интеллигенции, Андреев рассматривал как ресурс независимости художника («могу..., — писал он в письме к брату, — свободно мыслить, без той невольной и бессознательной подчинённости вкусам дня, какую налагает зависимость от рынка на самую свободную и самостоятельную мысль» [8, с. 301–302]) и как возможность выразить свою общественную позицию, объяснить своё отношение к войне.

«Русская воля» позиционировалась как орган реального мировоззрения, на основе внепартийной прогрессивно-демократической программы, позволяющей «прямо и твёрдо взглянуть в глаза русской действительности, не обольщаясь розовыми утопиями, не впадая в уныние пессимистического скептицизма» (РВ. 1916. № 1. 28 декабря. С. 3). В редакционной статье первого номера газеты от 15 декабря 1916 года заявлялось: «...мы выходим на арену общественной работы не для личной или фракционной перебранки, но с надеждами и планами положительного творчества <...> для великого дела служения Родине, для неустанного призыва к вере в могучие силы нашего народного духа, к бодрости и энергии в борьбе с внешним врагом и с теми тёмными внутренними безответственными силами, которые пытаются создать разруху и затормозить лучшие народные порывы» (Там же, с. 3). Здесь же публикуется статья Андреева «Горе побеждённым», в которой он стремится обосновать необходимость доведения войны до победы, предвещая трагические последствия военного поражения: «Едкое чувство стыда, вызванное поражением, горечь поправанного достоинства, неизбежная потребность большое поражение возместить хоть маленькой победой — преображаются в жестокость, *насилие над слабым*, в цинизм и презрение, и лишь маскируются гордыми словами. <...> Обесцененный в собственных глазах и сознании, побеждённый, битый обесценивает и всё кругом: правду, человеческую жизнь, кровь и страдания, достоинство женщин, неприкосновенность детей. Испытавший слишком много боли, он щедро даёт её другим, чтобы в море слёз утопить и свою мутную, ядовитую слезу; и если ещё случались великодушные победители, то никогда не видел мир великодушного побеждённого — горе побеждённым!» Статья заканчивалась пророческими словами: «Я не утверждаю самонадеянно, что у нас будет победа. Но я говорю: нам нужна победа, как никому из ныне борющихся. Победу или почти верную гибель всего русского народа — вот что несёт нам неизвестное будущее» (Там же, с. 4).

Таким образом, преображение России Андреев непосредственно увязывал с победой в войне, которая, по его мнению, может быть достигнута единым усилием всего русского общества: представителями разных сословий, возрастов и профессий, объединённых сознанием своего долга перед отечеством. Эта мысль сквозная его эссе «Приветствие», напечатанном в рождественском номере газеты. В праздничную святую ночь писатель хочет слиться с теми, кто стоит на страже русской земли, — с солдатами, встречающими Рождество в обледенелых землянках, с офицерами в тесных домиках, чуть освещённых коптилками, с моряками на судах с притушенными огнями в бурном зимнем море. Он обращается к своему младшему брату Андрею, «самому мирному человеку на земле», ушедшему добровольцем на фронт, и к седым старшим офицерам, сохранившим в немоющем теле силу духа. Он призывает всех к работе по устройению общего Дома, несмотря на то, что в этом опустелом доме затаилось в закутках много тёмных сил, пытающихся связать народную мощь. «И кто знает, сколько ещё таких же холодных и печальных зим сулит нам будущее! Но сколько бы ни было — без вас, вернувшихся, ни огней праздничных не зажжём, ни смехом полным не рассмеемся, ни спокойным сном не заснём. С вами — наша любовь, наша надежда и покорные ожидания» (РВ. 1916. № 11. 25 декабря. С. 5).

В целом для «Русской воли» фигура Андреева во многом была определяющей. Не только потому, что он был редактором литературно-критического раздела газеты и на этом поприще обеспечивал внушительный объём, разнообразие рубрик и имён в разделе². Леонид Андреев был лицом газеты и её голосом. В «Русской воле» было опубликовано около 70-ти его публицистических статей, заметок, интервью, рецензий, открытых писем, заявлений, протестов (иногда в одном номере выходило несколько андреевских материалов). На страницах газеты он предстаёт в самых разных ипостасях: пламенного публициста, вдумчивого и острого рецензента, историка культуры. «Вспоминает» давно забытые жанры, с которых когда-то начинал как писатель: жанр рождественского рассказа (в первых «рождественских» номерах от 1916 года публикуются «Два письма» (РВ. 1916. № 5. 19 декабря. С. 7) — вариант старомодного любовного романа в письмах, и

² Несмотря на отсутствие писателей «первого ряда», Андрееву удалось привлечь к сотрудничеству известных литературных деятелей. Постоянные рубрики вели В. Муйжель («Письма с войны») и В. Тан-Богораз («На местах»); Амфитеатрова, позднее — Д. Айзмана и В. Брусянина; в разделе «Театр и музыка» печатали рецензии С. Глаголь и Н. Аш (Н. П. Ашешов). Почти ежедневно выступали в первые месяцы в газете целые подвалы занимали постоянные рубрики А. со стихотворными фельетонами бывший «сатириконовец» Вас. Князев и известный Lolo (Мунштейн), а позднее — Вл. Азов и А. Аверченко. На страницах газеты появлялись имена Г. Иванова, С. Ауслендера и А. Грина, в рубрике «Литературный дневник» — молодых: Л. Гроссмана, В. Жирмунского, М. Шагинян.

«Жертва» (РВ. 1916. № 11. 25 декабря. С. 7) — рождественский рассказ о взаимоотношениях матери и дочери); возвращается к традиции курьерского фельетона, сменив имя бичевателя общественных пороков Джемса Линча на ироничного Горация Ч. Брюкву с его «воздыханиями». Кроме того, литературная фигура Андреева присутствовала и опосредованно: в газете печатались рецензии на его последние произведения, помещались специальные подборки отзывов московской прессы, информация о постановках андреевских пьес на сценах петербургских и московских театров («Реквием», «Милые призраки», «Екатерина Ивановна»).

Все эти разножанровые тексты объединены единой авторской интонацией, искренней любовью к России, верой в Россию и болью за неё. Звучит она в его отклике на юбилей книгоиздателя И. Д. Сытина, в лице которого Андреев видит лик огромного и великого народа, «полуосвобождённого 19 февраля». Его всепоглощающую жадность к книгам писатель воспринимает как «идею», которой заряжен весь народ — «босой, голодный, жадный к свету до слепоты, <...> вольноотпущенник, но ещё не гражданин», как символ «мужицкой, несуразной, огромной и возрождающейся России» (РВ. 1917. № 48. 19 февраля. С. 3). И в рецензии на книгу И. Шмелёва «Суровые дни», ценность которой он усматривает во внимании к рядовому человеку на войне, незаметному герою, сражающемуся в окопах. Сам Андреев исповедовал идею, что война — дело всенародное, независимое и даже враждебное интересам самодержавия, что воля народа — в победе над Германией, что втянутый в войну народ из многомиллионного стада перерождается в воюющую властную нацию. Потому для него так ценно, что Шмелёв подошёл к представителю русского «мужицкого царства» (которого современные «новозападники» окрестили «эфиопом») «как верующий к ранам христовым» и озарил его новой красотой, которая даёт «великую надежду на будущее» (РВ. 1917. № 8. 9 января. С. 7). Та же мысль звучит и в рецензии Андреева на картину К. Петрова-Водкина «На линии» («На линии огня», 1915–1916). В изображении гибели молодого прапорщика во время атаки писатель увидел воплощение «святой смерти», «правдивое, глубокое и чистое» решение вопроса о «русском», жертвенном отношении к войне, столь близком его собственному. Картина эта, в понимании Андреева, «религиозна в высшем и прекрасном смысле этого слова»: лицо прапорщика вызывает в его памяти иконописные лики святых, великомучеников и страдальцев за Бога и истину, а лица бегущих за ним солдат имеют выражение «неизъяснимой покорности добровольно принятой жертвы» — все вместе они восприняты Андреевым как обобщённый образ русского народа в его отношении к войне. «Если мы таковы, какими выразил нас Петров-Водкин (а

этому веришь), — резюмировал в своей рецензии Андреев, — то мы ещё далеки от гибели и смерти, и долги наши дни на земле. И не бесцельны» (РВ. 1917. № 52. 23 февраля. С. 3).

Эта вера заставляет его записать 31 декабря 1916 года в своём дневнике: «Уверен, что 1917 год несет мир и революцию» [4, с. 29]. Предсказания Андреева сбылись: война для России закончилась революцией, а отсутствие победы обернулось для государства гибелью.

В короткий период революционного переворота, между февралём и октябрём 1917 года, вплоть до закрытия новой властью оппозиционных газет, русская публицистика переживает настоящий взрыв. «Несвоевременные мысли» М. Горького, «Взвихренная Русь» А. Ремизова, статьи А. Блока, письма и статьи В. Короленко, полемически тенденциозные газетные выступления З. Гиппиус и её «Петербургский дневник» — далеко не полный перечень произведений, которые могли бы составить целую книгу о России в один из самых трагических моментов её истории. В этом контексте значительное место занимает публицистика Леонида Андреева революционных лет.

Андреев не был противником революции, но ждал и призывал её. Как и многие представители образованной общественности, он связывал будущее России с коренным преобразованием страны. Он приветствовал «благодатный шумный дождь» Первой русской революции, прозревая в ней Новую Россию: «Всё пришло в движение, меняет контуры и линии, меняет образ» [11, с. 163–164]; «...ни одной мысли в голове не осталось, кроме революции, революции, революции, вся жизнь сводится к ней» [Там же, с. 161], — писал он ещё в феврале 1905 года. При этом андреевское понимание революции было широким и неоднозначным. Он видел революцию «малую» — ход внешних событий — «когда царям головы отрубают», и «большую» — перестройку всех форм жизни; «внешнюю» — когда меняется политическое устройство и политические учреждения, и «внутреннюю» — когда каждый человек и народная масса живёт порывами свободы и творчества. И до конца оставался пророком «идеальной», «внепартийной» революции, освобождающей творческую энергию личности. Именно так Андреев, как и большинство интеллигенции, воспринял февральские события 1917 года. «Нынче — 27 февраля 1917 г. один из величайших и радостнейших дней для России», — записывает он в дневнике [4, с. 30].

Его позиция совпадала с позицией «Русской воли», трактовавшей февральскую революцию как точку отсчёта новой России. Стремясь поспеть за стремительно развивающимися событиями, газета начинает выходить дважды в день, начав с данного исторического переворота новый отсчёт

газетных выпусков. Мартовские номера «Русской воли» выходят под шапкой: «Да здравствует революция!». Редакционные статьи пестрят заглавиями: «Великий праздник», «Власть народа», «Династия Романовых исчезла безвозвратно», «Революция в окопах». Восторженная экзальтация от происходящего выплескивается высокопарными фразами, велеречивыми штампами и возвышенными лозунгами: «Россия должна стать, наконец, великой державой — семьёй всех народов, её составляющих и борющихся одинаково с царизмом за своё свободное бытие»; «Построим дворец свободы, достойный великой революции» (РВ. 1917. № 1. Веч. вып. 6 марта. С. 1) и пр.

В этой атмосфере одна за другой выходят «факельные» статьи Леонида Андреева: «Памяти погибших за свободу», «Путь красных знамён», «Убийцы и судьи», «Призыв» и др. В них писатель выражает уверенность, что революция выведет Россию из провинциального феодально-крепостнического захолустья и превратит в страну, указывающую путь современной Европе. Он приветствует отмену смертной казни и считает, что теперь «можно гордиться, что ты русский». Он с презрением отзывается о Николае II и его окружении и воспеваает подвиг известных и неизвестных борцов, подточивших трон Романовых («Памяти погибших за свободу»). Поддавшись захлестнувшей общество эйфории, приветствует манифестации свободных граждан. В статье «Призыв» пишет восторженные слова о свободе, новой красоте, радостном смехе: «Граждане! Манифестируйте! Манифестируйте! Ищите единомышленников, собирайтесь в толпы и идите на улицы, высоко неся красные знамёна с начертанными словами. <...> Собирайтесь на митинги, спорьте, доказывайте, говорите резко и говорите всё, что вам диктует свободный ум и свободная совесть...» (РВ. 1917. № 75. Утр. вып. 22 апреля. С. 3).

Несмотря на потрясшие Россию внутренние события, «Русская воля» продолжает отстаивать «оборонческую» позицию и поддерживать политику «войны до победного конца». Меняется лишь публицистическая риторика: авторы газетных статей настойчиво пытаются внушить, что в новых условиях уже не безмолвная жертвенная масса, а «свободные граждане-солдаты» «под красными революционными знамёнами» должны защищать родину; что главная задача — победив внутреннего врага-последнего абсолютного монарха, победить и врага внешнего. Экспрессивный пафос андреевских статей первых месяцев революции неотделим от общего контекста «Русской воли», во многом определяя как редакционную политику, так и общий стиль публицистического контента. Писатель наивно полагает, что чаемое им перерождение солдатской массы в «вооружённый и воодушевлённый народ» совершилось, что «свободных граждан» будет удерживать на фронтах не армейская дисциплина, но «любовь к свободе и вера в грядущее братство».

Продолжение войны рассматривается им как возможность освобождения не только России, но и Европы от дома Гогенцоллернов и превращения её «в единое братское целое». В этом он видит новую миссию России: «По всему фронту, обращённому к немцам, шире разверните красные победные знамёна: пусть знает ныне всякий стреляющий германец, что стреляет он в свободу! И под священным знаком красных знамён несите [мир] и свободу порабощённым народам!» — призывает он в статье «Путь красных знамён» (РВ. 1917. № 4. Утр. вып. 8 марта. С. 3).

Исследователями неоднократно высказывалась мысль, что в свете всей русской культуры XX века судьба Леонида Андреева исполнена символического смысла. Она наглядно продемонстрировала столкновение утопии с жестокой логикой истории, что обернулось личной трагедией писателя. Все великие революции, неизбежно проходя три фазы, в первой преисполнены «радостью освобождения от тирании старого режима и большими ожиданиями реформ», во второй — превращаются «в яростный вихрь, сметающий на своём пути всё без разбора. Он <...> уничтожает не только исчерпавшую себя элиту, стоявшую у власти при старом режиме, но и множество людей и социальных групп, способных к созидательной работе», на третьей фазе начинают строить на обломках новый социальный и культурный порядок, новую систему ценностей, включающие в себя наиболее жизнеспособные дореволюционные общественные институты [12, с. 82]. Андрееву суждено было стать свидетелем лишь первых двух фаз. Хаос, борьба политических партий и отдельных «вождей» за власть, опасность массовых расстрелов, большевики, германцы, «у булочной хвосты в 500 человек» — всё, что увидел писатель, очень быстро разрушило его оптимизм. «Праздник души кончился. Положение очень трудное и тревожное. <...> Жестокие будут дни», — записывает он в дневнике 2 марта 1917 года [4, с. 31].

В «эмиграции» Андреев будет биться над разгадкой тех «тёмных законов» истории, посредством которых борьба за свободу оборачивается слепым разрушением и пугачёвщиной. В 1918 году, читая роман о французской революции (Э. Эркман и А. Шатриан «История крестьянина», 1872), он записывает: «И до конца остаётся необъяснимым и необъяснённым то, чего и никто объяснить не мог: как столь великолепно начавшаяся революция превратилась в голый поток грязи, крови и безумия? Или в этом сказывается самое существо человека, животного, в массе своей злого и ограниченного, склонного к безумию, легко заражаемого всеми болезнями и всякую, самую широкую дорогу кончающего неизбежным тупиком? <...> Начинает гений, а продолжает и кончает идиот и скотина» [4, с. 132]. Этот

вопрос, не оставлявший писателя многие годы, актуализируется в процессе мучительного и горького осмысления революционных событий.

«Русская воля» день за днём приобретает всё более политизированный характер. Всё пространство газеты заполняют стенографические отчёты съездов многочисленных партий и заседаний Государственной думы, сообщения с мест о захвате крестьянами помещичьих земель, вести с фронтов, известия о поражениях русской армии и братании на фронтах, обернувшихся кровью и многочисленными жертвами. Хроника событий фиксирует свидетельства разрушения общего дома России: заявляют о своей автономии Азербайджан и Финляндия. Внимательно наблюдает газета за событиями на Украине, где высшим законодательным органом Центральной Радой была выдвинута идея создания единой Украины из двух расщеплённых её частей: русской и австрийской, а Россия и Австрия объявлены врагами. Дебаты по отделению Украины и Финляндии и декларация по украинскому вопросу, предполагающая предоставить Украине широкую автономию, вызвала кризис Временного правительства, когда из него вышли представители партии кадетов, отстаивавшие идею единой и неделимой России.

В период всеобщего опьянения «свободой», понятой как вседозволенность и эгоистичное самоутверждение различных партий в их борьбе за власть, Андреев был одним из немногих, который думал о *России* и считал, что наступил тот момент, когда всем русским людям надо вспомнить о России. 30 апреля 1917 года Андреев буквально «кровью сердца» пишет статью «Гибель». Начиная её лозунгом «Отечество в опасности!», он констатирует, что Россия «близка к смерти»: надвигающийся голод, разложение армии, бессильное правительство и — самое больное для него — развал державы, когда её, ослабевшую, стали рвать на части. «Кто ещё? Кому ещё так ненавистна Россия, что ни одной минуты не хотят быть вместе, требуют развода — от умирающей? — восклицает писатель. — Идите и бейте, рвите на ключья немощную дуру, тащите ключи из-под подушки, тащите всё, что можно. <...> Чего её жалеть, когда она сама себя не жалеет! Чего её хранить и навязывать ей какое-то спасение, когда она сама себя не хранит и слепо лезет в могилу, сама себе на тысячу голосов поёт отходную!» (РВ. 1917. № 89. Утр. вып. 30 апреля. С. 3). Готовый разделить выпавшие на долю отечества страдания, писатель уже в предвестии надвигающихся событий подаёт сигнал SOS: «Спасите Россию, спасите её, живые и уже мёртвые души» (Там же). Андрееву эта статья была особенно дорога искренностью и болью. Уже в эмиграции в своём дневнике он вспоминал, как его жена читала только что написанную «Гибель» соредктору по «Русской Воле» Н. Гредескулу — и он плакал. «Было больно и страшно смотреть на его старое, вдруг откровенно,

как у детей, искажившееся лицо и на эти крупные слёзы» <...>. И я сам ходил по комнате и плакал» [4, с. 70]. В то же время писатель понимал, что его слово уже не обладает прежней силой воздействия.

Ощущение стремительного движения в пропасть предельно обостряется 3–4 июля — после первой попытки вооружённого большевистского переворота, когда большевики вывели на улицу толпу под лозунгами: «Долой войну!», «Долой наступление!», «Долой Временное правительство!». «Пробил час. Спасайте Родину!» — под такой шапкой теперь выходят номера «Русской воли». Страницы газеты пестрят материалами погружения страны в хаос: промышленный и правительственный кризисы, министерская чехарда, жестокие поражения на фронтах, разгромы помещичьих усадеб и дикие грабежи, буйства солдат на фронте и в тылу. Чаяния Андреевым России, несущей другим странам революцию и свободу, терпят крах. «Русская революция — не пример для других народов, — с горечью констатирует публицист, скрывшийся под инициалами А. Д. — Вы знаете, какое впечатление мы производим на других? Впечатление неисправимых варваров, взбунтовавшихся рабов, а уж никак не учителей политической и социальной мудрости» (РВ. № 191. Утр. вып. 13 августа. С. 3).

Самым больным вопросом стало разложение армии. Не в силах остановить распад революционными лозунгами и призывами к патриотизму, Временное правительство в июле 1917 года восстанавливает в армии институт смертной казни. И Леонид Андреев, автор «Рассказа о семи повешенных» — самого страстного протеста против смертной казни как явления, противоречащего законам природы, принимает это решение как неизбежность. После массового отказа солдат воевать, срыва наступления русской армии на галицийском фронте под Тарнополем и окончательного разгрома русских войск 2 июля 1917 года, Андреев пишет статью «К тебе, солдат!». Писатель ещё верит, что силой экспрессивного слова можно воздействовать на душу русского солдата, когда-то бывшего красой, радостью и гордостью революции, но увлечённого ложно понятой свободой, ставшего её проклятием: «...носился по улицам на пьяных автомобилях и грозил ружьём наперевес женщинам и детям, и бахвалился, и уродничал, и хрипло кричал матерщину» (Русская воля. 1917. № 165. 14 июля. С. 2). Проклятый народом, он превратился в труса, предавшего своих офицеров, товарищей, честь, Родину, и поэтому его ожидает позор и заслуженная кара. Эта одна из самых пафосных статей Андреева, переполненная риторическими вопросами, восклицаниями, обращениями, взывала: «Встань же, солдат. Поднимись из праха, открой нам и Богу свое человеческое лицо. <...> Родина умирает. Родина зовет тебя. Встань, милый солдат!» (Там же). Ввиду особой

значимости статья была перепечатана дважды: в утреннем и вечернем выпусках «Русской Воли», по предложению читателей был объявлен сбор пожертвований для дополнительного напечатания статьи и её широкого распространения. Статья была выпущена отдельно в виде листовки и неоднократно перепечатывалась (например, в кронштадской газете «Труд и земля». 1917. № 72. 19 июля. С. 3), в книге «„К тебе, солдат“ и другие очерки для солдатских чтений» (Иркутск, 1917) [4, с. 520].

Через день очередной номер газеты выходит с редакционной статьёй без подписи, но явно принадлежащей перу Андреева (её положения он повторит в более поздних авторизованных статьях). Задавая вопрос, почему русская армия терпит одно за другим сокрушительные поражения, автор усматривает причину в неустойчивости армии, в превращении её в толпу, лишённую физической и идейной организации. Но при этом считает, что виноват не народ, одетый в серые солдатские шинели, а «виноваты те, кто принесли ему, тёмному и невежественному, проповедь интернационализма, проповедь классово́й борьбы, проповедь материализма», которые народ принял за чистую монету. Андреев первым ставит вопрос о вине интеллигенции за происходящее в России. «Пришёл час расплаты за нашу умственную безответственность. Мы умственно и нравственно сбили народ с толку, мы расстроили весь наш политический и социальный механизмы, мы расстроили народный труд, мы расстроили армию. Мы — умственные и нравственные вожди, мы — во всём виноваты. Нам и нужно встать на колени перед народом и всенародно перед ним покаяться. Социалистические газеты ищут причины поражения в предательстве генералов. „Русская воля“ говорит правду „в этот грозный час русской истории“, и её сейчас же провозгласили ненавистницей народа. Но правда гласит: „Не народ, не солдаты, не армия во всем этом виновата. Сбывается на наших глазах евангельская притча о соблазнении „малых сих“» (РВ. 1917. № 201. Утр. вып. 25 августа. С. 2).

Публицистика Андреева 1916–1917 гг. захватывает остротой переживания, силой непосредственной авторской эмоции, включением читателя в логику авторских размышлений через ораторские приёмы речи: риторические вопросы, рефрены и лейтмотивы, сочетание пафоса и иронии, гротеска, пародии, шаржа. Сам писатель называл себя «публицистом-лириком», задача которого — непосредственное воздействие на души» [4, с. 328–329]. Но исключительная художественная интуиция — определяющее свойство андреевского таланта — позволяла ему прозревать глубинный смысл исторических явлений, чувствовать логику движения истории, предугадывая её результаты. Писатель размышляет о судьбе личности в революции, законах поведения толпы, о свободе и воле, о характере русского бунта.

Леонид Андреев стал одним из первых, кто увидел, что «на подмостки театра истории выступил новый загадочный герой — «народы». При этом он прозорливо отметил принципиальное отличие нового «коллективного» героя от того, который изображала литература XIX века: «Не тот и не те народы, что „безмолвствуют“ и всегда существовали как фон для героической личности — нет: народы действующие, совершающие, ведущие» (РВ. 1917. № 1. 1 января. С. 2]. В программной статье «Перед задачами времени», открывавшей первый номер «Русской воли» за 1917 год, Андреев утверждал, что все крупнейшие события нового века: Русско-японская война, революция 1905 года, мировая бойня — «взрывы, тяжёлые повороты тяжёлого тела и страшные потрясения, коими знаменуется выступление нового исторического героя», и задача литературы — «смело подойти к новому герою с его массовой психологией, массовой волей и доселе ещё невиданными проявлениями последней в войнах и революциях» [Там же]. Он предсказал решающую роль, которую новому герою суждено будет сыграть в грядущих переворотах 1917 года.

Узрев в начале революционных событий светлый лик освобождённого народа, Андреев очень скоро прозрел в нём звериный оскал толпы. «И где же эти люди — те, что сделали эту чудесную бескровную, весь мир поразившую светлую революцию, — восклицает он в статье «И снова рыцари на час». — Сильные своей массой, они грозят всякому, кто скажет им слово: совесть — они не хотят совести. <...> Безумцы, жалкие слепцы! Гуляйте больше, кричите больше, спорьте и грозите, будьте счастливы сегодня, потому что завтра всё от вас отнимется» (РВ. 1917. № 113. 14 мая. С. 2), — предрекает он в мае 1917 года. Европейские позитивисты XIX века (Г. Тард, Э. Ферри, Ч. Ломброзо, Г. Лебон и др.), определявшие толпу как биологический организм с особыми психофизиологическими факторами существования, главным из которых был закон массового подражания, считали революцию временем выявления животной сущности человеческой природы и проявления жестокости масс. Проблему соотношения «народа» и «толпы», сознательного и стихийного в психологии массы не раз ставил Андреев в пьесах «Савва» (1906), «Царь-Голод» (1907). А в рассказе-притче «Так было» (1906), осмысливая события русской революции 1905 года посредством анализа фактов Французской революции, писатель запечатлел два облика народа: победное шествие предместий, двинувшихся защищать свободу («падающая лавина», «землетрясение», «зловещая стройность беспорядка»), и — «трепещущую страхом массу», «хаос и бессвязный гул» — злобно торжествующую при виде казни тирана — «Двадцатого» и тут же ревущую: «Да здравствует Двадцать Первый!». Сосредоточив внимание на «мистике власти» и «мистике рабства», Андреев утверждал, что свобода невозможна до тех пор, пока каждый человек

не уничтожит внутри самого себя раба, который не любит свободу, но только «боится бича». Так, Андреев пророчески предсказал движение событий, свидетелем которых стал в 1917 году.

Писатель учитывает биологические законы поведения толпы. «Поступки и действия отдельного человека могут быть рациональны или безумны. Выступления масс **всегда** психоэпидимичны. По-видимому, это закон человеческого общежития. Государство, власть, революция — психозы!» [4, с. 120] — размышлял он в дневнике. Вместе с тем по-прежнему незыблема для Андреева этическая традиция русской литературы, которая всегда воспринимала народ «как социальную субстанцию нравственного» [10, с. 232]. Поэтому в публицистике писатель традиционно пытается оправдать поведение толпы «фантастической» русской историей, веками рабства, утверждает, что самодержавие, которое царило тысячу лет, «исказило чистый лик русского народа, <...> убивая гражданственность, свободу и совесть, творило миллионы явных и тайных рабов» [6, с. 310]. Однако уже через год Андреев приходит к жёсткой самооценке: «Меня душевно вяжет и раздваивает привычное поклонение народу, культ революции. Я привык почитать рабочего только потому, что он рабочий, и мужика только потому, что он мужик. Это глупо, но почти непреодолимо. <...> Мне ясно: чем больше хочешь, чтобы чернь поднялась и стала людьми, тем беспощаднее надо быть к данной исторической черни, а привычка тянет к вреднейшей социальной сентиментальности и прекраснотушию [Там же, с. 166–167].

Андреев осуждает себя за общее с интеллигенцией увлечение наивной романтикой, верой в «бескровную» революцию: «Мы думали, что открывая двери зверинцев, все хлева и конюшни, ломая все загороди и выпуская истомлённых в неволе зверей и скотину, мы немедля введём их в кабинет и в дружески серьёзной беседе обсудим и постановим, как нам жить дальше» [4, с. 34]. Тем не менее в происходящем он винит не народ, не дикую толпу, выплеснувшуюся на улицы в революционные дни, но «революционную» интеллигенцию, предводителей революционных партий, оказавшихся неспособными управлять событиями. Непросветлённость сознания делает, по его мнению, народ слепой игрушкой в действиях политических авантюристов. «Тёмный народ есть тёмный народ. Он ничего не знает и всему верит. Он в холеру громил бараки и докторов. <...> С той же слепой верой он ныне, по подговору агентов Германии, провокаторов и честолюбцев, безумцев, корыстно жаждущих власти, готов громить Правительство, города, женщин, детей, друг друга. Как испуганные лошади, они не хотят выходить из горящей конюшни, как ошалелые бараны, они сами идут на стрижку», — пишет он в статье «К любящему Родину» (РВ. 1917. № 162. 11 июля. С. 2). В дневнике же

продолжает: «Революция может ставить себе различные цели: ближе и дальше. Масса, народ этих целей не имеет и не знает: увлекаемая только революционной инерцией и своей тяжестью, она будет катиться до самого последнего края, до пропасти. Цели ставит *разум* и осуществлять их в дни революции может только *революционер*» [4, с. 34]. Отсюда огромная историческая и нравственная ответственность, которую возлагает писатель на революционеров. Однако большевистские вожди, в его понимании, «умные мошенники и честолюбцы». Не останавливаемые никакими нравственными запретами в реализации собственных корыстных целей, они цинично «жмут из массы своё масло» [4, с. 79]. Не народ, а большевики с их человеконенавистнической агитацией, родящей страх, подозрительность и злобу, положили, по его мнению, начало жестокости и крови. Народ же «был только орудием в бесчестных интеллигентских руках, как зверствующие стрельцы были лишь орудием Милославских и других бояр» [4, с. 125].

В происходящем писатель с ужасом наблюдает утверждение «героя» — того, кто один поворачивает колесо истории и ведёт народ в царство Дьявола». Таким «героем» представляется Андрееву Ленин — революционер, обладающий «непреклонностью духа, жестокостью, революционной яростью». Андреев задолго до октябрьского переворота увидел в мало известной тогда фигуре Ленина будущего исторического триумфатора. В статье «*Veni, creator!*» («Гряди, победитель!»), написанной в сентябре 1917 года, он пророчествовал о приходе того к власти: «Гремите военные оркестры! Вывешивайте флаги! Из красных полотнищ стройте триумфальные арки! Громче и веселее кричи, праздничный народ: в твой мрачный город вступает завоеватель! По июльским трупам, по лужам красной крови, вступает завоеватель Ленин <...> — громче приветствуй его, русский народ!» (РВ. 1917. № 219. Утр. вып. 15 сентября. С. 2). Разгадку фантастического воздействия Ленина на массы, Андреев видит в ленинской «трагической» демагогии, обращённой к архетипическому, самому примитивному, первобытному началу в человеке. «Ленин <...> прямо взывает к зверю в человеке, он открыто приглашает его вырваться из клетки и начать работать зубами и когтями» <...>. И его слушатели или читатели, под влиянием его статей, мрачно сжимают кулаки, готовые немедленно броситься на ненавистных буржуев» («Скоморох революции») (РВ. 1917. № 211. 6 сентября. С. 2).

Фигура Ленина, в представлении Андреева, приобретает гротесковые очертания в той художественной функции гротеска, когда последний становится способом изображения «непознанного» — тёмных сил, роковым образом вторгающихся в жизнь людей. «Маленький и даже щуплый» Ленин в глазах побеждённого им русского народа становится «выше Александровской

колонны». В Ленине Андреевым отмечается «прямота и откровенность злодея», его каменная непреклонность («неподвижен и прям, как гранитная скала»), простота, доведённая до наготы. Эта фигура у Андреева эмблематична, это — квинтэссенция циничной идеологии большевизма, осуществляющей великий эксперимент над Россией. В андреевской характеристике Ленина-властителя возникают сатанинские очертания: «Уже нет человеческих черт в твоём лице; как хаос клубится твой дикий образ, и что-то указывает позади дико откинута чёрная рука» (РВ. 1917. № 219. Утр. Вып. 15 сентября. С. 2). Андреев предрекал, что приход Ленина — лишь начало предвестие апокалипсических перемен, которые суждено пережить России в XX веке. За спиной Ленина встаёт тень преемника-тирана: «Или ты не один? Или ты только предтеча? Кто же ещё идёт за тобою? Кто он, столь страшный, что бледнеет от ужаса даже твоё дымное и бурное лицо? Густится мрак, и во мраке я слышу голос:

— Идущий за мною сильнее меня» (Там же).

Оказавшись после признания большевистским правительством независимости Финляндии отрезанным от России, Андреев с болью наблюдает её гибель и главным виновником катастрофы считает Ленина, которому, как пишет в дневнике, «без колебания подписал бы смертный приговор» [4, с. 101]. Ленин, претендующий на то, чтобы стать великим реформатором России, стал, по мысли писателя, её губителем. «Всё, что он сумел добиться — это стать только Пугачёвым. Новый „собиратель Руси“, он собрал всю каторжную, всю чёрную и слепую Русь и стал единственным в истории повелителем царства нищих духом. <...> Кого он ни зовёт, к нему приходят только воры, среди которых бесследно теряется кучка честных, но не мудрых фантазёров, обманутых невежд да слепых, как совы, и бесчувственных доктринеров» [4, с. 367].

Задолго до апокалипсических российских событий Андреева занимало соотношение Революции и Бунта в русской истории и национальном сознании. Ещё в 1902 году он предпринимает попытку написать рассказ «Бунт на корабле», где бунт «рабов» должен был быть увиден глазами свободного человека. Была задумана и пьеса под названием «Революция», исходной точкой которой, по воспоминаниям В. Вересаева, «служил протяжный и ровный звук: «у-у-у-у-у!..», нараставший из тёмной дали...» [11, с. 174]. В своих художественных произведениях 1900-х годов Андреев много писал о «русском бунте» как основе жизнелюбия и поведения, о судьбах бунтарей [см. 7], задаваясь вопросом Достоевского: «И правда ли, что бунтом жить нельзя?» [6, с. 18]. В рассказах «Мысль» (1902) и «Тьма» (1907), повести «Жизнь Василия Фивейского» (1903) он показал различные формы индивидуального

бунта и различные типы бунтующих героев; в романе «Сашка Жегулев» (1911) — соединение бунта личности, в основе которого «больная совесть» и жажда «принять страдание», с бунтарством народной массы — «гнедых» (собирательное имя крестьянства, ставшего на путь противления). Уже тогда писатель попытался разграничить для себя два этих понятия. В драме «Царь-Голод» (1907), изображающей стихию восставшей толпы, во многом предвосхищая реалии 1917 года, один из персонажей произносит фразу: «Не оскорбляйте революцию. Это бунт!» [3, с. 235].

К осмыслению проблемы Бунта и Революции в публицистике Андреев вернулся на основе пережитого опыта. В сентябре 1917 года он пишет статью «Во имя революции», в которой происходящее в России определяет как смертельную борьбу «между Революцией, которая слабо обороняется, и Бунтом, который яростно нападает» (РВ. 1917. № 221. 17 сентября. С. 2). Она стала своего рода первым вариантом итоговой статьи «Европа в опасности» (1919), работа над которой продолжалась до самой смерти писателя. По убеждению Андреева, Революция и Бунт, как дети одной матери, рождаются из недовольства существующим и стремлением к свободе (полной и *неограниченной* — в бунте, к *большей* — в революции). Схожи их методы — разрушение, их орудия — огонь, пожары, насилие и убийство. Различие же между ними — Мысль. Бунт как начало стихийное, лишён мысли, поэтому его главным двигателем становится слепая толпа, увлечённая бессознательным порывом. Бунт — восстание тёмных бессознательных рабов, образующих «случайный *скоп*, но никогда не правильные ряды». Лишённый *идеи*, Бунт не знает будущего, движим лишь побуждением удовлетворения своих желаний. Его участники «могут произвести только огромный *беспорядок*, страшное уничтожение, великий *погром*, но Великой Революции им не свершить никогда» [5, с. 190]. Революция же, с точки зрения Андреева, «есть не что иное, как восставшая мысль», и «для неё, как для Бога, ценен *всякий человек*» [Там же].

Для Андреева ключ к оценке любых событий и явлений — это человеческая личность, и лейтмотивными в анализе прошлых, настоящих и будущих бед России являются горестные размышления о торжестве «стадного» начала», об отсутствии развитого уважения к личности. «То, что я чту разум, подвиг, героическую личность и верховую культуру, — теперь, в дни господства четвероногих и низких лбов, делает мои переживания нестерпимо мучительными», — записывает он в дневнике в феврале 1918 года [4, с. 33]. Пренебрежение к человеческой личности, проявившееся в идеологии большевизма, писатель объясняет философскими и научными теориями, увлекшими незрелые умы на рубеже веков. На страницах дневника и писем он

подвергает критике теоретические основы марксизма, решительно отвергает философский материализм, исторический детерминизм и учение о классовой борьбе, дающие, по его мнению, упрощённую и искажённую картину мира: «Это так соблазнительно: всё объяснить, и притом объяснить так, чтобы всем было понятно! И так как Дух наиболее трудно объясним, то его и заменили пищеварением. <...> А сколько таких общедоступных формул, „пролетария“, „класса“, „исторических и климатических условий“, „добавочной стоимости“» [4, с. 9]. В письме С. С. Голоушеву от 30 марта 1918 г. он восклицает: «Марксизм убил личность вконец, это ужасно, это создаёт нищенский мир. <...> Нет ни великих людей, ни малых, ни злых, ни добрых, ни праведников, ни злодеев — есть только группы, классы и процесс, по которому неуклонно движутся эти группы и массы. Ужасающий исторический детерминизм». «Человеческая личность — вот что самое богатое и самое лучшее на земле. <...> Всё в ней есть и ещё кое-что неоткрытое. И личность убита! Сложное тело, состоящее из всех элементов мира, заменено простым телом класса или нищенским сочетанием водорода с кислородом» [4, с. 243–244]. Новая власть, считает Андреев, исполнена презрения к отдельному человеку, а Ленин «видит в нём только материал, как видели все революционеры, тот же Пётр Великий» [4, с. 36]. Политику, основанную на группах, классах и массах, а не на личности, писатель признавал опустошительной и губительной. И самым страшным результатом октябрьского переворота считал не разрушение хозяйства и «молодой русской промышленности», а то, что «слово человек было выкинуто из большевистского словаря» [4, с. 297].

На фоне многочисленных оценок революции, предлагаемых в то время в публицистических статьях и художественных произведениях, размышления Андреева предстают более глубокими и трагичными, а главное, имеющими историко-философскую и социологическую перспективу. Андрееву суждено было пережить крушение созданной им революционной утопии, когда благородные гуманистические взгляды оказались трагически разлучёнными с исторической жизнью страны: вместо ожидаемой им «организованной демократии» установилась большевистская диктатура. В статье «Европа в опасности» (1919), констатируя, что от великой Российской империи осталась груда обломков и мусора без названия, хаос братоубийственной войны, слёзы и гибель миллионов людей, он утверждает, что эти злодеяния совершила не революция, а бунт, родившийся вместе с революцией и извративший её. Большевизм — «уродливый ублюдок, дикая помесь Революции и Бунта, свободы и тирании», незаконно объявивший себя единым и истинным Богом революции [4, с. 364–365]. «Двадцать пятого октября 1917 г. русский стихийный и жестокий бунт приобрёл голову и подобие организации. Это

голова — Ульянов-Ленин. Это подобие организации — большевистская Советская власть» [4, с. 367]. Таков горький итог, к которому приходит писатель в своей последней статье.

Круг вопросов, затронутых Андреевым в его публицистике, выходит далеко за рамки социально-политической проблематики и вписывается в широкий контекст национального взгляда на русскую историю и особенности культурного сознания, которые предшествовали Октябрьскому перевороту, а затем им актуализировались. Для Андреева приход к власти Ленина означал конец русской истории в её естественном течении. Октябрьский переворот он воспринимает как национальную катастрофу. В ночь с 25 на 26 октября из своей квартиры на Мойке он наблюдает события вооружённого восстания. 26 октября 1917 года Андреев навсегда покидает Петроград. В «эмиграции» признаёт, что воспевая революцию и революционеров в период 1914–1917 гг., «был подобен человеку, который восторгается бурей, сидя на берегу». Теперь же, находясь «среди волн и гибели» бушующего моря, приходит к выводу, что «революция столь же малоудовлетворительный способ разрешать человеческие споры, как и война», который «не может победить враждебную мысль, не разбив заключающего её черепа, и смирить злое сердце, не проткнув его ножом» [4, с. 370]. Подводя итоги крушения своих иллюзий, писатель беспощаден к себе: «Я был глуп, когда желал для России революции, глуп и также обманут. России нужны великие реформы» [4, с. 83].

Время показало справедливость и значимость проблем, поставленных Андреевым в публицистике периода Первой мировой войны и революционного 1917 года, и глубину его пророчеств. Однако ощущение невозможности что-либо изменить при полном понимании хода событий стало личной трагедией писателя, ускорившей его смерть. Проникновенные слова произнес А. И. Куприн в своём отклике на смерть Леонида Андреева осенью 1919 года: «„Спасите наши души!“» С таким трагическим воплем, исполненным горечи и любви, сошёл в могилу Леонид Андреев. Его имя было известно всему миру. Но услышал ли хотя один человек этот сигнал, обозначивший неминуемую и страшную гибель своей страны? <...> Андреев умер. Умер. <...> У нас больше никого не осталось. Целую землю, где лежит тело, вмещавшее в себе ум, душу, сердце России» [10, с. 141–143].

Писатель Даниил Андреев своего отца называл вестником, то есть художником, обладающим пониманием «тёмной демонической природы мирового закона» («Роза мира», гл. «Дар вестничества»). Публицистика Леонида Андреева времён Первой мировой войны и революции 1917 года — ещё одно тому подтверждение.

Литература

1. Андреев, Л. Н. «Верните Россию!»: сборник / Сост. И. Г. Андреева, послесловие и коммент. В. Н. Чувакова. М., 1994.
2. Андреев, Л. Н. Красный смех. Черновой набросок // Hoover. Vox. 4. Euv. 14. (Стенфордский университет. Гуверовский институт. Коллекция Б. И. Николаевского).
3. Андреев, Л. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. М. : Наука, 2013. Т. 6.
4. Андреев, Леонид. S.O.S. Дневник (1914–1919). Письма (1917–1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918–1919) / Под ред. и со вступит. ст. Р. Дэвиса и Б. Хеллмана. М.; СПб.: ATHENEUM-ФЕНИКС, 1994.
5. Андреев, Леонид. Перед задачами времени. Политические статьи 1917–1919 годов / Сост. и подг. текста Р. Дэвиса. Benson, Vermont, 1985. 204 с.
6. Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка // Литературное наследство. Т. 72. М. : Наука, 1965.
7. Иезуитова, Л. А. Об архетипе «бунта» в творчестве Андреева (Л. Н. Андреев и старообрядчество) // Иезуитова, Л. А. Леонид Андреев и литература Серебряного века. СПб. : Петрополис, 2010. С. 118.
8. Кен, Л. Н., Рогов, Л. Э. Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб. : Коста, 2010. 428 с.
9. Купреянова, Е. Н. Эстетика Л. Н. Толстого. М.; Л. : Наука, 1966.
10. Куприн, А. И. Памяти Леонида Андреева // Свободная Россия. 1919. № 54. 20 ноября.
11. Реквием : сб. памяти Леонида Андреева / Под ред. Д. Л. Андреева и В. Е. Беклемишевой; с предисл. В. И. Невского. М. : Федерация, 1930.
12. Сорокин, П. А. Долгий путь. Сыктывкар: СЖ Коми ССР, 1991. 304 с.
13. Хеллман, Б. Когда время славянофильствовало. Русские философы и Первая мировая война // Hellman Ben. Встречи и столкновения: Статьи по русской литературе / Meetings and clashes. Articles on Russian literature. Helsinki, 2009 (Slavica Helsingiensia 36). С. 9–29.
14. Хеллман, Б., Козьменко, М. В. Леонид Андреев. В сей грозный час // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования, материалы. М., 2014. С. 581–630.

~